

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ В ОПОЛЕ: ОПЫТ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И СОТВОРЧЕСТВА

По инициативе ректора БелГУ, доктора социологических наук, профессора Л.Я. Дятченко осень 2010 года ознаменовалась для БелГУ, недавно вошедшим в статус инновационного университета страны, возобновлением и укреплением контактов с городом Ополом. Делегация преподавателей во главе с ректором принимала участие в торжественных мероприятиях, посвященных началу нового учебного года в Опольском университете и в связи с проведением Дней России в Опольском воеводстве. Выступали тогда и 25 студентов – артистов арт-студии «Вереск» и ансамбля спортивно-бального танца «Белогорочка». Месяцем позже наши ученые проф. А.П. Короченский и доц. И.Т. Шатохин выступили в Опольском университете с докладами на международной научной конференции. На этой же конференции был заслушан доклад магистрантки кафедры журналистики и связей с общественностью. А в самом начале ноября поэтесса из Старого Оскола Татьяна Олейникова (Машкара) и два преподавателя-поэта (профессор А.В. Полонский и автор этих строк) были командированы в Ополом на XXI Международный фестиваль поэзии, где мы получили много ярких впечатлений. Было множество насыщенных информацией, интересных встреч, ежедневных ответственных выступлений со стихами и переводами. Единственный пока на юге России дипломированный специалист по польскому языку А.В. Полонский (шифр защищенной в 2003 году докторской диссертации – 10.02.03 – славянские языки) заранее сделал несколько переводов на польский язык и наших, и своих стихотворений, выступил Андрей Васильевич и со своим собственным переводом известной песни «Надежда». Вместе с тем в параллель всему этому мы имели возможность отнаблюдать еще и опыт проведения фестивалей поэзии как уникальной формы приграничного сотрудничества и сотворчества, на чем хотелось бы остановиться особо.

Фестиваль поэзии в Ополом – мероприятие со стажем. Проводится он уже двадцать один год. Приглашают порядка двадцати поэтов. В 2010 году кроме нас троих, оказавшихся единственными из России, были: поэтесса, зав. кафедрой иностранных языков Ивано-Франковского университета Мария Ткачивская, поэт из Литвы, редактор выходящего в Вильнюсе журнала на польском языке Ромуальд Мичковский, поэты-сербулужичане Бэно Бударь, Кито Лоренц, Томаш Навка (их знают по сборникам стихов еще 80-х годов, в частности «Вкус молока и меда»), был поэт-афорист из Чехии Франтишек Вжегишка, венгр Йштван Ковач и др.

Польскую поэзию представляли как постоянное ядро несколько человек во главе с организатором паном Янушем Вуйцеком. Это Яцек

Любарт Шешица, известный поэт из Кракова Йозеф Баран, Тереза Недыкша и ее дочь, тоже поэтесса Магда, известный не только стихами, но и афоризмами Вислав Малицкий, семейная чета Касперских: он – известный поэт, она – актриса, выступали всегда вместе, разыгрывая в лицах стихи-диалоги.

На фоне этого ядра постоянно менялась периферия разновозрастных участников-поэтов, что давало возможность польской стороне охватить многочисленную армию своих авторов, желающих принять личное участие в фестивале.

Из сказанного вытекает как минимум два урока фестиваля поэзии: во-первых, возможность познакомиться с весьма широким составом польских поэтов, получить представление о пульсации поэтической мысли в творчестве разных по статусу, возрасту, опыту творчества авторов, пишущих на польском языке. Есть понятие «гамбургского счета», соревновательности, но как раз фестивали помогают смешать карты, помогают заявить о себе и не самым известным авторам, в смешении-совмещении заключается тоже их ценность и прелесть. Во-вторых, урок опольского фестиваля поэзии состоит в том, что в подборе-приглашении иностранных участников акцент делался на приграничных территориях. Надо сотрудничать, обмениваться успехами, чувствовать поэтическую мысль, прежде всего, тех, кто живёт в соседних государствах. Когда на научную конференцию приезжает кто-либо из очень далекой страны, мы гордимся самим фактом приезда и общения, однако, если налаживать ежегодные встречи-диалоги, встречи-презентации, связи важнее поддерживать с близлежащими странами, да и языковые барьеры тогда не столь ощутимы для большинства участников.

При «ядре» и меняющейся «периферии» участников на каждом выступлении нас набиралось порядка 30-40 человек. Это обязывало весьма строго относиться к выбору стиха, поскольку на каждой встрече со зрителями-слушателями мы все читали только по одному стихотворению, причём каждый раз стремились себя же не повторять, уважая тех, кто оказывался постоянным участником каскада мероприятий.

Следующий урок фестиваля, что тоже можно позаимствовать и внедрить у нас, – это интересный его «хронотоп». Не одно яркое мероприятие в шлейфе экскурсий, встреч, посещений, обмена мыслями, как это обычно бывает: ударный день и «всё остальное». Нет, фестиваль включал в себя ежедневные (а то и по два раза в день!) публичные выступления со стихами в самых разных «локусах» и перед самой различной аудиторией. Участники фестиваля читали стихи в зале ратуши и в костеле после вечерней службы, в зале огромного ресторана и в уютной таверне, в краеведческом музее и в концертном зале гостиницы «Европейская» (это уже в Кракове). Нас возили по городам и городкам, и между чтением стихов были и экскурсии по музеям и библиотекам, была пешеходная экскурсия по центру Ополе, была встреча с преподавателями и посещение урока в компьютерном

зале, где шла тема «Причастия», и Татьяна Олейникова прочитала потом свое стихотворение о сыновьях «Мои причастия».

Было посещение картинной галереи и спектакля, поставленного серболоужичанами. Кстати, наибольший смех в зале вызвала должность одного из действующих лиц – Министра справедливости и финансов.

Мы присутствовали на награждении сотрудников музеев, среди награждаемых немалый процент составили весьма молодые особы, причем, как и артистов на том спектакле, их награждали не только цветами, но и подарками в пакетах.

Итак, мы много раз выступали, но при этом многое впитывали и видели. Вот, например, возложение венков к памятнику поэта (подчеркну годы его жизни: 1945-1989, это наш ровесник, современник). Без помпы, просто, спокойно и очень по-доброму, то есть без агрессивного пафоса, который способен спугнуть желание потом еще раз подойти и постоять у этого небольшого по формату памятника. Кстати, об уважении к своим знаменитостям. Мы плохо знаем Польшу. Как-то приходится держать в памяти интереснейшие цифры, отчасти объясняющие уровень общей культуры страны. Так, в царствование Сигизмунда III в Польше блистало 711 (семьсот одиннадцать!) литературных имен, а в 80 городах беспрестанно работали типографии. Польша хорошо позаботилась о том, чтобы композиторов страны (того же Шопена!) знал и боготворил весь мир. А полонез М. Огинского, с которого немисливо начальное музыкальное образование? А пример скрипача Генриха Венявского? Классика требует внимания и, если можно так выразиться, личной заинтересованности. Рядом с Опольским университетом мы увидели и посетили крошечный мокрозеленый, однако уже от осеннего времени начинавший желтеть сквер, на котором в разумной гармонии установлен целый ряд памятников и бюстов. Да кому же? В том-то и дело, что поэтам. Во время осмотра сквера мне припомнилась недавняя публикация Дмитрия Каралиса о поездке в Румынию, когда автора восхитило в Яссах большое число памятников писателям. «В парке поместья Погора памятники белеют в темноте, как статуи в нашем Летнем саду. Даже гуще». Видимо, есть и общеевропейская тенденция-традиция уважения к художникам слова. Поляки гордятся тем, что Опольский университет – флагман исследования филологической культуры, что наиболее ценные наработки ученых этого вуза относятся как раз к филологии. Может быть, переживанию гордости незримо помогают и вот эти живые камни – такие разные и такие выразительные, напоминающие, что кроме прозаического дела обязательно должна быть, «работать» в социуме, звучать еще и поэтическая мысль. Должно быть любовное созерцание окружающего, привнесение красоты в обыденное.

Татьяна Олейникова в поезде, глядя в окно, произнесла: «Осень люблю, когда слякоть. Без листьев деревья люблю. Какая статя в каждом дереве! Скульптура!». Это не стихотворение, но – почти стихотворение, потому что можно прожить и не заметить скульптур облетевших деревьев. Я

по своей привычке наблюдала за растениями. Хорошо им живется в Ополе. Ни одного засохшего не то что ствола, но даже листка ни на уличных «особях», «особах», ни на комнатных их коллегах. Уникальный пейзаж парке около замка в Рогове, где мы жили (г. Бжег, 17 км от г. Ополе), составляют не только каменные лестницы, акведуки и ротонды, но и сами стволы с многочисленными омелами, стволы, обвитые, как на Кавказе, лианами — этакие зеленые шубы на стволах, в пейзаж вписаны кустарнички с медно-красной мелкой осенней листвой, аккуратные кусты самшита и можжевельника. А может, существует связь слова и растения: хорошо растению — хорошо слову и обладателю дара слова? Совсем недавно в сентябре этот район, как и многие другие, пережил крупное наводнение. Но не осталось следов, все убрано, восстановлено. Тут и следы немецкой культуры, проявляющейся в незаметном, молчаливом, без словесного пафоса, делании «текста культуры» вокруг себя. Представим себе, что в сборнике стихотворение напечатано дважды, на соседних страницах. Вряд ли это вызовет хороший отзвук в душе. Но мы не переносим текстовую метафору на архитектуру, штампую стандартные дома, коттеджи, учреждения (те же банки) и даже, недавний, но осязаемый новодел — церкви. Сколько нас не возили автобусом по югу Польши, дома, фахверковские домики везде разные. Одинакова только высокая степень ухоженности и присмотра.

Но вернемся к фестивалю. Итак, получается, что стихи были вписаны в культурный фон, и это обогащало их восприятие и, наверное, придавало живой жизни этому самому «фону». О двух мероприятиях нужно сказать отдельно. Это мистериум хлеба, когда на девяти сдвинутых столах на холщовой скатерти была диагонально разложена разнообразная выпечка: и караваи, и пончики, и крендели, и ватрушки, и просто булки. Мы сидели вокруг этого изобилия и читали стихи о хлебе, о жизни, о родине, а потом «преломили хлеб»: попробовали, поели, взяли с собой. И в ресторане так. Сначала на столе под стихи фрукты, соки со льдом. Потом еда, обильная и очень вкусная. А урок здесь вот в чем: не было вина. И «после всего» тоже не было ни вина, ни пива. Такое уважение к поэзии. Кофе, чай — пожалуйста, а ни вино, ни пиво со стихами не коррелирует вовсе. Я поняла, что традиции «отпраздновать» после стихов здесь попросту нет, и это тоже хотелось бы взять на заметку.

Второе крупное мероприятие состоялось уже в Кракове. Это были XXV «Задушки поэтов», то есть Вечер памяти ушедших поэтов — известных и не очень известных. Читались их стихи и стихи, им посвященные. К этим событиям («задушкам» и фестивалю) было приурочено издание сборника со словами под заголовком: «Od Brzegu do Krakowa — na szlaku słowa». Кстати, в этом сборнике помещено стихотворение живущей в Кракове поэтессы — нобелевского лауреата 1996 года Виславы Шимборской. Интеллигенция Кракова приходила заранее. По всему чувствовалось, что это великий вечер, его ждут, к нему готовятся, его переживают как нечто важное, глубинное. Был ксендз пан Фиделиус, и была известная актриса Анна Дымниш, которая

отнюдь не о себе рассказывала, а, сидя на диване, за низким столиком, сама почти не видимая, в микрофон читала стихи тех, кого уже нет, но как читала!

Начали вечер, однако, дети – поющие, исполняющие музыкальные произведения (звучала скрипка, флейта), читающие стихи. Нотабене: не свои стихи, вот что важно, а стихи тех, кто ушел, кого уже нет, недавно нет или давно уже нет. И уж никто не называл деток ни «юными дарованиями», ни «будущими поэтами». Не было агрессии заигрывания с молодежью – и правильно понимающие свое место молодые люди вели себя пластично, находясь в гармонии с другими возрастными группами.

И была еще одна странность иной культуры. В ресторане, в большом зале которого мы читали стихи, на втором этаже ходили молодые мамы с младенцами на руках и бегали детки постарше. Нам их было хорошо видно. Я думала, что это отпрыски официантов, ожидающие окончание рабочего дня мам или пап. Ан нет. Это были семьи тех самых польских поэтов, которые читали стихи вместе с нами. В таверне «У зеленого попугая», оформленной под старинную конюшню, на диване поблизости от эстрадного певца и его группы, тоже расположились их молоденькие жены с детьми, иногда начинавшими танцевать. Такое вот времяпрепровождение: семья не где-то «там», «дома», в изоляции, а дом здесь же, где вся семья, здесь, где папа читает стихи или исполняет песню.

Большое внимание на фестивале уделяли сочинителям, авторам афоризмов. С одним таким человеком мне довелось ехать в автобусе. С гордостью рассказывал пан Вислав Милецкий о своем знакомом Злучайном Иоакиме Глеске, который собрал наибольшую по количеству афоризмов картотеку. Издал первый том Афористической энциклопедии, подготовил еще три. «Четыреста тысяч афоризмов собрал. Это самый знаменитый знаток жанра афоризмов. Ему предлагали в Книгу рекордов Гиннеса, но он не захотел оказаться в одном ряду с теми, кто, как сказал, соревнуется на дальность шлепка. А после моей смерти, говорит, делайте уже, что хотите». Пан Вислав сказал и о своем вкладе в эту сокровищницу формул мысли и поведения. Поэзия и афористика синергетически связаны, взаимно обогащают друг друга. Поэтический афоризм не столь резок и агрессивен, а афористическая добавка к размытой эмоциональности стихотворной идеи необходима как стержень, скелет.

Фестиваль – это звучание музыки ли, песни, стиха. Но с музыкой проблем сейчас нет, тогда как поэтическое слово должно чаще звучать и чаще быть услышанным, а не только прочитанным в уединении и тиши. В этом выигрыш фестивалей поэзии. Известный лингвист Б.А. Ларин писал об особом, отличном от всякой другой эмоциональности, чувстве «переменного лирического напряжения», возникающем как «особое волнение», обусловленное восприятием стихов. Стихи, точнее ситуации их постоянного соприсутствия, требовали высокого поведения, особого регистра отношений.

И еще об одном уроке фестиваля необходимо упомянуть. Фестиваль не завершился с завершением выступлений и отъездом участников. Где-то

месяца через два мы получили из Польши от пана Януша Вуйека присланные нам журналы с фотографиями и статьями о фестивале и, что особенно дорого, тексты нескольких переводов на польский язык наших стихотворений, выполненных пани Малгожатой Подгурской. Наверное, самый лучший выход из работы – не выходить из нее. Никита Михалков как-то в дни своего юбилея сказал по ТВ: «Счастье – это не когда получилось и не когда получится, а когда по-лу-ча-ет-ся». Продолжать сотрудничество филологов, сотворчество поэтов, не бросать начатое – это ведь тоже условие, одна из форм интеллектуального счастья.

Во время своей поездки, то есть своеобразного поэтического путешествия мы столкнулись с уроками не только организации фестиваля, но и с уроками, которые, сами того не подозревая, давали нам наши новые знакомые.

Пан Тадеуш Хробак – директор Опольской воеводской публичной библиотеки им. Э. Смолки, один из филиалов которой находится в замке в Рогове, где мы жили. Этот человек занимается спасением самых старинных книг, причём, что интересно, не только книг, хранящихся в том самом замке. Книги еще и закупаются по немалой, надо сказать, цене. Часть средств выделяет Евросоюз, остальные приходится добывать в администрации, после чего начинается закупка редчайших книг за рубежом, пополнение уникального книжного фонда г. Ополе. Часть книг, как делают в библиотеке Конгресса в США, сотрудники библиотеки пропихивают дорогостоящим составом, чтобы устранить всегда присутствующую в бумаге кислоту, дабы хранились эти книги не одно столетие. Все книги проходят оцифровку. Но пан Тадеуш думает не только о книгах. Своим библиотекарям он начисляет зарплату выше, чем учителям школ. Этого человека хорошо знают руководители и работники библиотек Белгорода, не раз побывавшие в замке Рогове (Н.Т. Чуприна, Л.Н. Чистякова).

Семейная пара из Германии: Бэно Бударь – поэт, жена Людмила – методист, занимается проблемами билингвизма, причем оба выходцы из весьма многодетных семей. Чтобы серблужичане не исчезли как нация дед Бэно наказал своим многочисленным детям иметь от 5 до 10 детей. Многодетность и интеллигентность пока в обыденном нашем сознании слабо коррелируют друг с другом, но ведь в данном случае мы видели пример едва ли не элитарной, если не сказать королевской воспитанности. Но и это еще не все. Один из братьев Людмилы Станислав Наука, врач, раз в неделю, по четвергам, разъезжает по городу и лечит бездомных, находя их под мостами и оказывая помощь, а каждое лето выезжает в Африку бесплатно лечить там, в Намибии, и детей, и взрослых, причем риск заразиться и заболеть самому остается весьма высоким.

Очаровал нас и ксендз францисканской церкви в Глоговике пан Кжистоф с лицом интеллигента-оптимиста. И видно было, как тянутся к нему не только пожилые прихожане, но и инвалид в коляске, тоже поэт, читавший свое стихотворение, и исполнитель под гитару песни Б. Окуджавы, молодой

поляк Станислав и его жена Гена, переживавшая за успех мужа, и приехавшие с нами поэты из Ополе, по-видимому, давно и хорошо знающие ксендза.

О пане Евгениусе Брудкевиче следует написать особо. Этот человек – воплощенная возможность оживления и упрочения наших деловых контактов с современной Польшей вообще и с Ополе, в частности. Прекрасно владеющий русским языком, много поездивший по нашей стране и хорошо помнящий преподавателей нашего вуза, пан Евгениус готов к сотрудничеству, обмену студентами, составлению долгосрочных программ. Требование одно: чтоб сотрудничество не осталось только на бумаге. И преподаватели Опольского университета, и руководители факультета, и сам пан Е. Брудкевич всегда подчеркивали слово «конкретно» (конкретно сотрудничать) – и предлагали свои формы. Нам предстоит учиться отвечать такой же конкретикой – дела, не только слова. Многие из наших новых знакомых бывали в нашей стране и признавались, что готовы к продолжению контактов, но только не «вообще», а конкретно. Собственно, и отправка нашей делегации в Ополе – это был оперативный ответ ректора, побывавшего в Ополе накануне, на поступившее с польской стороны предложение развития разнообразных и разномасштабных деловых связей. Дальнейшей гарантией укрепления связей с Ополе филологов, гуманитариев не только БелГУ, но и города в целом, области будет создание в Белгородском университете на базе факультета журналистики и связей с общественностью, кафедры славистики, внедряющей программу конкретных дел международного сотрудничества.

Конечно, в дни фестиваля мы получили редкую возможность пообщаться еще и друг с другом: Татьяна Ивановна Машкара (Олейникова) рассказывала о своей учебе в Литинституте, об организации и проведении фестиваля «Старооскольская лира», о книгах, которые пишет. Андрей Васильевич Полонский рассказывал, как несколько лет преподавал польский язык и польскую культуру в Институте славистики (г. Бергамо, Италия).

И самый последний урок – продолжать добиваться всего своим трудом. Нам представляется, что за рубежом накоплено столько средств, что проблем с изданием, выпуском книги и не возникает вовсе. Однако это не так. Практически все, с кем приходилось нам беседовать, признавались, что сначала наработывают денег, чтобы потом за свой счет издать сборник стихов, книгу прозы, подборку афоризмов.

Когда оказываешься в Дальнем зарубежье, как получилось у меня, после 35-летнего не выездного по разным причинам перерыва, то острота впечатлений от увиденного заставляет сформулировать чисто филологическую задачу: как одним-единственным словом выразить всю гамму отличий двух культур. И это слово было найдено: неагрессивность. Ни оглушающей музыки в ресторане, ни резких высказываний, ни беспорядка, то есть абсолютно ничего из того, что попадает в «концепт» агрессии, столь часто относящейся и к нашей повседневности (как у Алексея Толстого:

«Коль любить – так без рассудку, / Коль грозить – так не на шутку...»), и к нашей праздничности. «Коли пир, так пир большой!». Я поняла, что неагрессивность можно воспитывать, и понять это помогли уроки поэтического фестиваля, и, прежде всего, сама его организация.

Харченко В.К.
г. Белгород, Россия

УКРАИНСКАЯ ПОЭТЕССА МАРИЯ ТКАЧИВСКАЯ: ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА

Межрегиональное приграничное сотрудничество составным, естественным и ожидаемым своим аспектом предполагает исследование творчества писателей и поэтов, живущих в соседних государствах, причем для анализа целесообразно брать творчество таких авторов, которые пока еще не получили должного признания, точнее не получили признания, адекватного их успехам на весьма сложном, в том числе и для критических оценок, поэтическом поприще. К Марии Ткачивской сказанное равно относится и не относится. С одной стороны, сочетая творчество (вечерами, ночами) с ежедневной интенсивной работой преподавателя-германиста, поэтесса издает книги, как правило, за свой счет (а для этого надо летом успеть хорошо подзаработать, то есть даже отпуск отнюдь не посвящать отдыху!). Кстати, «самофинансирование» сейчас общемировая практика, в чем мы убедились в ноябре 2010 г., побывав на XXI фестивале поэзии в г. Ополе (Польша). Но, с другой стороны, Мария Ткачивская уже стала лауреатом премии им. Ивана Франко (2006), лауреатом конкурса «Коронация слова» (2007), лауреатом премии им. В. Стефаника.

Интересно и то, что даже в юности Мария не публиковала стихов в газетах и журналах, как это обычно бывает до подготовки сборника. Нет, тогда и сейчас сразу пишется книга, стихи сразу же «упаковываются» в сборник, начинают взаимодействовать друг с другом, доказывая художественную бесконечность метафорического прочтения действительности. Не случайно в лингвистике существует концепция рассмотрения и отдельного сборника стихов, и всего творчества того или иного поэта как единого текста.

Из биографии. Мария Ткачивская родилась 11 августа 1965 года в селе Сокол Галицкого района Ивано-Франковской области. Детство провела в Ивано-Франковске. «Я начала писать еще до школы, очень рано научилась писать, так как Петр (брат, старше Марии на 3 года) ходил в школу, а младшие быстро схватывают от старших. Все время садилась на качели и что-то себе сочиняла. *Все ко мне приходило на качельке...*»). Как научилась писать, так и стала писать стихи. Закончила в Ивано-Франковске школу № 5 с углубленным изучением немецкого языка, поступила в Черновицкий университет на факультет иностранных языков, который закончила в